

МИМО, НЕПОДАЛЕКУ, ВОКРУГ, НАПРАВЛЯЯСЬ К..., ВНУТРИ

Эта статья построена как попытка эмпирически зафиксировать то, что происходит «на кухне» тематизации, проблематизации и зачатков «концептотворчества» – внутри каждодневной «рутинной» философской работы. Как возникают темы, «по ветвям» которых «вьются» (развиваются) концептуальные ожидания? По какой нужде или выгоде мысль предпринимает поход? Как она пускается в путь? В силу чего и под управлением чего прокладывает она маршрут? Какие (при)меты указывают ей дорогу? И как, в конце концов, приходит определенность и согласие по поводу пункта назначения?

Что же до содержания, статья является собранием мыслей *по поводу* философии.

Ключевые слова: Философия, акт философствования, проблема философии, событие, испытание, философское предприятие.

Ця стаття побудована як спроба емпірично зафіксувати те, що відбувається «на кухні» тематизації, проблематизації та зачатків «концептотворення» – всередині щоденної «рутинної» філософської роботи. Як виникають теми, «по гілках» яких «в'ються» (розвиваються) концептуальні очікування? За яким нестатком або вигодою думка здійснює похід? Як вона пускається в шлях? У силу чого й під керуванням чого прокладає вона маршрут? Які (при)міти вказують їй дорогу? І як, зрештою, приходять визначеність і згода з приводу пункту призначення?

Що ж до змісту, стаття є зібранням думок з *приводу* філософії.

Ключові слова: Філософія, акт філософствування, проблема філософії, подія, випробування, філософська справа.

This article is constructed as attempt to empirically record, that occurs «in kitchen» of tematization, problematization and «concept-creativity» rudiments – in mediastinum of everyday «routine» philosophical work. As there are subjects, «on branches» which the conceptual expectations «curl» (develop)? On what need or benefit the thought undertakes a campaign? How she starts on a journey? Owing to what and under control of what it lays a route? What signs show it the road? And how, eventually, definiteness and a consent concerning the destination comes?

That to the contents, article is meeting of thoughts concerning philosophy.

Keywords: Philosophy, act of philosophizing, problem of philosophy, event, test, philosophical enterprise.

У Мартина Хайдеггера есть сборник под названием «Holzwege». Слово Holzweg в немецком языке имеет, среди прочих, «территориальную» и еще «кинематическую» коннотацию. Сам этот сборник текстов часто связывают с известным «пространственноподобным» событием в интеллектуальной и творческой биографии Мартина Хайдеггера – его квалифицируют как «поворотную» книгу. В. Бибихин отмечает, что название «Holzwege» «переводили на разные языки и как “Дороги, ведущие в никуда”, и как “Лесовозные дороги”, и <...> как “Дебри”» [4, с. 5-6]. Далее он цитирует из воспоминаний Карла Фридриха фон Вейцеккера: «Однажды он (Хайдеггер – И. М.) повел меня по лесной дороге, которая сходила на нет и оборвалась посреди леса в месте, где из-под густого мха проступала вода. Я сказал: “Дорога кончается”. Он хитро взглянул на меня: “Это лесная тропа (Holzweg). Она ведет к источникам. В книжку я это, конечно, не вписал”» [4, с. 6].

О чем возможна философия? Обо всем ли? То, что мы вопрошаем (в философии) обязательно должно отвечать нам, и обязательно внятно? Стоит ли чего-нибудь разыскание, которое только что начато? Как остановиться внутри мысли, если она есть только смутное ощущение, что «здесь есть нечто важное»? На каких путях есть по крайней мере надежда счастливо встретить сказанное ощущение? Соответствующая «бурная деятельность» (во всяком случае, если говорить об авторе данных строк) обеспечивается некими жестами, о которых можно говорить как о пространственноподобных и кинетических. Иногда просто свободно прогуливаясь, встречаешь «хорошую мысль». Иногда совершаешь обходы, «наматывая круги»

(бывает, что до изнеможения) вокруг чего-то в высшей степени смутного и неясного. Иногда несешься очертя голову. Иногда подолгу готовишь плацдармы – и все безуспешно! Иногда без единого шага вдруг врываешься как бы в самую середину обескураживающих вещей и нужных слов...

В этой статье доброжелательным и снисходительным читателям, в частности, предлагается, в порядке непринужденного развлечения, квалифицировать ниже следующие фрагменты в отношении этих пространственноподобных кинетических жестов, названных и неназванных. Что же касается содержания, речь о философии, о деле, которым занимаешься всю жизнь, по поводу чего, даже если ты не Делез или Гваттари, хочешь иметь если не надежду, то хоть толику определенности...

Интрига философии

«Приблизиться к пониманию того, что такое философия, – замечает М. К. Мамардашвили, – дать почувствовать особый умозрительный характер ее утверждений <...> можно <...> следующей фразой: “Простите, я не о том говорю!”» [9, с. 264]. Что значит это «не о том»? «Человек с улицы» – апологет здравого размышления, но также и типический представитель «образованной общественности» точно добавляют к этому более универсальную негатию: «ни о чем». Люди говорят «о чем-то», или болтают «о том, о сем», когда они имеют свободный досуг. Философы говорят «ни о чем». Но почему философ не обижается и даже извиняется перед людьми? Потому, что он понимает, что люди имеют действительное право недоумевать, и полагать подобное. Ибо он понимает, что философия не о сущем, ни о каком определенном «что», «ті», «quod» (но так же, и не логическом subjectum), что философия не направлена ни на какую «quidditas», «res». Философия не оперирует предметными смыслами, даже если она использует знаки предметных значений. Продукт хорошей философии (назовем это философемой) суть, конечно, абстракция (и обычные люди и люди с университетским дипломом одинаково правы в этом). Однако философская абстракция не относится к сущему как логическое отвлечение.

Философия есть речь не о сущем, а об условиях возможности сущего. Чувствительный для философии вопрос в горизонте означенного движения – об условии «человеческого предопределения» этого «quidditas-геі», об антропном условии. Существенно, что сказанные «условия возможности» всегда уже *введены в дело*, когда сам акт исследования их (акт моего философствования) состоялся. В таком случае исследование оборачивается *испытанием*. И тогда содержательный результат работы философа оказывается инструментом «чтения в себе», где последнее – независимо от вкуса к плодам linguistic turn, или от отсутствия такового – есть термин онтологически значимого отношения, термин «вписывания в экономию Ἐν Πάντα» – термин онтологического требования, за-требования, термин ответственности перед лицом возможного исхода, в котором мы ломаем игру «eine ewige Mitspielerin», как говорит Рильке. Мы сами проигрываем свою жизнь и свое счастье, когда отказываемся играть. Но мы наносим поражение шансам Целого (пре)быть тем, что оно есть, когда плохо играем! После нас не сыгравших, или сыгравших плохо то самое умение-поймать, «Fangen-können ein Vermögen, – nicht deines, einer Welt» – расстроено и плохо работает. После нас, отказавшихся ловить, мир плохо ловит.

Это, фактически и составляет философскую интригу. А «рисунок» возможности испытания внутри построения моей философской идентичности представляет часть интриги. Он будет симптомом того, каким именно образом мы можем (если можем) «выдерживать (или не выдержать) *опыт* упомянутой «игры в мяч».

И может быть одной из «рогатых» ницшеанских проблем оказывается тогда задача, осуществить *критику* статуса философии, исследуя возможности самого критического усилия по поводу философии (возможности дискурса сказанного «рисунка»). Конститутивная черта философии в том, что задача эта всегда ждет своего исполнителя, независимо от того, и даже с большей нуждой от того, сколько таких исполнителей уже было на свете.

«Что же такое время? – спрашивает бл. Августин. – Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я хотел объяснить спрашивающему – нет, я не знаю» [1, с. 167]. Таково же дело и с философией.

Нецензурное слово как ресурс философии

Настоящая, *неподдельная* брань имеет особый типаж: «на чем свет стоит». В этом смысле любая «правильно приготовленная» философия есть, по сути, «*непечатное слово*». По-своему, именно об этом говорит Витгенштейн в последней строчке «Трактата».

В самом деле, фактически, в интенции к тому, «на чем свет стоит», мы имеем основание всякой цензуры. Отвлекаясь от чисто политических коннотаций (когда те, кто властвует, блокируют «слова и вещи», имплицитные факторы риска потерять власть), скажем так: предел цензуры есть «табу». А предельный смысл «табу» есть, как известно, «негативно операциональный» смысл: не смей даже приближаться беспечно, не смей даже взглянуть в сторону табуированного в вашей локальной – недалекой, легкомысленной, беспринципной, безответственной – оптике! Под запретом намерение не только употребить или затронуть табуированное, но даже сообщить о нем, обозначить, *напечатать*. Непечатная брань не есть, по сути, ненормативной, она *транснаормативна* – т. е. не представляется в координатах «нормы-девиации».

Ругать что-либо (или себя) из горизонта и в размерности унижения, уничтожения и отвержения оснований сущего в целом – в этом, так сказать, «условие нормировки» акта подлинной брани. Ругать что-либо так, что брань раскалывает, «расклинивает» основания Целого (не откладывает на потом, не рассеивает, не фрактализирует, даже не заставляет быть пустующим, но организована как именно разрушение, как взрыв), чтобы достичь наконец последней не-у-местности и упадка отдельного (поруганного) сущего, исходя из отказа в бытии *всему миру* как таковому. В этом смысле качественная нецензурная брань отличается от сквернословия. Сквернословие – есть чистая пошлость, т. е. то, что происходит за недостатком бытийного отношения (впрочем, при более или менее удачной имитации такового).

В смысле же игры с собственной судьбой, в каковую зодчий малых и больших «загибов», конечно, неминуемо ввергается, дело управляется двойной символической перспективой: разрушать непоправимо, *трагически* себя (как принадлежащего *этому миру*) рефлексией, возвращением бумеранга коллапсирующих основ; и осмелиться быть готовым к роли *модерниста всего Творения*, к роли тамады на вечеринке Конца Мира, к роли подвешенного в зазоре между следованием необходимому и выбором необходимого. Если так, то не совмещает ли – и весьма изящно – осознающее себя в собственном статусе матерное слово, делезианскую философию Бытия-Единого и бадьюанскую философию события? [см.: 2]

Во всяком случае, бранить(ся) на чем свет стоит – есть акт, потенцированный философским усилием, однако и отягощенный философски же нормированной ответственностью.

Но справедлив так же и обратный ход. Спросим: в чем разница между не-культурным и а-культурным? Не-культурное не является предметом внимания цензуры. Не-культурное подлежит культивации, о-культуриванию, оно есть вопрос *культуры*. Подлинный же смысл цензуры как таковой, цензуры в пределе есть блокирование а-культурного действия. «Быть везде как дома» – вот насчет чего обнадеживает, вот что в последнем счете хочет обеспечить культура. И в этом смысле любая культура с опаской и недоверием смотрит на философию. Поскольку философия всегда смотрит за порог. Философия не хочет сидеть дома. Философия *несносна*. Ее поведение *возмутительно* – возмущает хорошо устоявшееся и прилаженное. Философия, с точки зрения культуры, всегда склонна дерзить и безобразничать. И поэтому, как таковая, философия оказывается нецензурной. Как и нецензурная брань...

Побратимы Зенона

Зенон Элейский, утверждает Хайдеггер [11, с. 118], вынужден был защищать Бытие-Единое от софистической мудрости. Это занятие стало называться *философией*.

По-видимому, философия – есть то, что во все времена, независимо от нравов, культур, цивилизаций необходимо постоянно удерживать и охранять от поспешности и напористой убедительности предметного взгляда на вещи с его схематизациями, конструктивизмами, с его «психологиями», «социологиями», «антропологиями», «религиологиями», «культурологиями» и пр. Философия всегда *никому не нужна*. Поэтому она требует специальных защитных мер.

О философском языке и универсальном словаре

Представим себе универсальный словарь. Он должен, очевидно, отличаться не полнотой охвата лексических значений, но полнотой охвата контекстов, содержательных перспектив возможности функционирования лексем. Это должно быть дополнено и увязано с различными горизонтами функционирования слова (имя, мольба, приказ, символ, проклятие, молчание и т. д.). Однако, в каком-то пункте речь непременно окажется тем, что она речет; словарь неизбежно перестанет быть «словарем». Он должен будет продолжаться *актом*, в качестве акта. Назовем это «актуальным пределом языка». В пределе акт и его фиксация неразделимы и неразличимы. А язык упирается в свою необходимую открытость и нереферентность. Но не в нереферентность как «постлингвистповоротное» избегание референта – что все чаще «застрает в зубах», а в нереферентность в том смысле, что язык *и есть* референт.

В Библии ничего не написано!

Библия связана с Божественным Абсолютом. Библия имеет Божественное происхождение и несет на себе печать Божественного. Но Библия, именно как таковая, имеет человеческую размерность.

Библия есть Слово. Это слово Бога, обращенное к людям, именно к ним. Но в Библии, в самой по себе, ничего не написано. Более того, Библия вообще не имеет смысла *сама по себе*. Библию не имеет объективации, здесь невозможно ввести самую содержательную перспективу «самого по себе».

Библия предельна и текстуальна. Как предельное образование, она онтологична. Как текст – она герменевтична (но герменевтична принципиально в философском смысле, а не в лингвистическом, археологическом или культурологическом). Как таковая, Библия не последовательна и не кумулятивна, но сингулярна.

Библия, как Божье Слово для людского уха, не написана, а *пишется*. Библия, именно как Божье Слово для людей, никогда не бывает *уже написана* и «вот здесь» содержательно прочитана. Библия, собственно как Божье Слово к людям, сингулярно избывается в акте *человеческого*, т. е., производя человека (производя его именно в Божественном, в отношении Божественного, вписывая его в измерение Божественного). Библия есть всегда акт общения и в этом смысле – пребывания, исполнения. И Библия есть всегда как таковой акт – *активная экзегеза*: чтобы прочитать текст Библии – пишем свой текст, но только решившись писать, начать *себя* как текст. Ибо в начале было Слово, ... и Слово было Бог.

В этом изначальный онтологический исток и смысл всякой герменевтики (герменевтической практики) вообще и христианского герменевтического усилия (христианской экзегетики) в особенности.

Об избыточности философии

Философия бесполезна, пока она не отнесена к моим жизненным актам; пока по отношению к ней не действует живое в акте собственного философского усилия (философствующее) существо. Только в соединении со мной, когда я в миге уже-вот-исполнения-в-философии, – необходимость и функциональность философии становится очевидной; иначе происходит мгновенная редукция реализованной (в текстах, речах и пр.) философии к некоей заранее-архивной или «гербарной» форме. Борхес говорит: «... не работают метафизические и богословские теории, берущиеся объяснить нам, кто есть мы и что такое мир» [5, с. 243]. Если когда-нибудь окончательно объяснится, кто мы, – в этот миг мы исчезнем.

У себя не пофилософствуешь!

«У себя не пофилософствуешь!» [10, с. 93].

Всякая философия по-видимому есть «приручение» онтологических условий «несвойскости».

Все дело в разнообразных «опциях» мифологизации, натурализации, фетишизации философских продуктов, каковые «опции» имплицитно в себе любая реализованная попытка философствования. Пока философия жива – она никакой деконструкции не требует! Нужда в

деконструкції, при всем глубоком уважении и к замыслу, и к инструментарию, производится нехваткой потенций *конструирования*, т. е., попросту возможностью осилить вполне классическую, сингулярную попытку производства события мысли. Рождение живой философии, как и всегда, когда дело идет о рождении здоровых и прекрасных детей, управляется любовью и близостью. «Ἀνὴρ φιλόσοφος есть тот, ος φιλεῖ τὸ σοφόν, кто любит σοφόν» [11, с. 117] – напоминает нам Хайдеггер – в этом, начиная со времен ранней зари философии, все дело. Иметь расположенность, входить в соответствие, быть в соответствующем настрое... Но как быть уверенным, что рожденное – живо? Как все-таки делают здоровых и прекрасных детей?

По-моему (при прочих равных) философствование тем удачнее, чем лучше удастся заблокировать в ней «свойство», акты «свойственности» и ходы (перспективы) освоения. Сами эти ходы и перспективы не зависят от философствования; о них не надо заботиться. Они, как песок у краев воронки, всегда готовы хлынуть. Но если акт философствования произошел, на уровне результатов он может быть более или менее способным сохранять и воспроизводить себя в той мере, в какой сама реализация философствования обладает потенциалом блокирования *подмен освоения*.

Пространство, созданное результатами философского акта должно быть заполнено философствованием. Однако пустоты оно не терпит. Если открытые концептуальные горизонты не заполняются философской работой, они заполняются образованиями «свойственности». Остается вопрос: можно ли от новых возможностей заблокировать «сдвиги в свойственность» определить новизну философии, числить эти возможности как принципиальный способ обладания условиями ее собственного живого воспроизведения? Или эти условия суть дополнительные и случайные, условия акта философствования *на уровне выражения*, вроде неудачи выражения, которая постигла Маркса-философа?

Жизнь во времени (прошлое), «тени» культуры, рассказывание историй, обольщение психологическим, апеллирование к трансцендентным «первосущностям», историзация и пр., и пр. – все это частные ситуации заполнения «свойственностью». «Господь меня всякий раз должен порождать, когда я мыслю» – говорит Декарт. А если воспроизводство мысли оборвалось – не захотел бог продолжать, пространство расположенности мыслительного акта за отсутствием мысли заполняем собой, своим. Причем, по-видимому, «психологичность» (натуралистически свое) и «объективность» (натуралистически другое) здесь *принципиально* равноправны. Потому, что есть «я» натуральное (вообще без сознательного опыта) – «я»-объект (1); есть «я» как факт субъективного сознания (психологическое «я», эмпирический субъект) (2); и есть объективность сознания (событие) (3).

Мы можем заполнять пространство не-жизни сознания собой (2), а можем объективными ситуациями, в которых мы участвуем, «обстоятельствами жизни» и т. д., – *id est*, «другим», заниматься поиском себя в другом (1). И здесь, и там жизнь сознания одинаково невозможна и прекращается.

Можно несколько «нюансировать» ситуацию. Философия всегда готова на «расчеловечивающий» жест, отчуждает человека от его собственной локальной ситуации. Классическая традиция делает это максималистически, как и положено любому классическому предприятию. Однако (и этот факт требует исследования) максимальное отчуждение оборачивается возможностью максимальной мифологизации («культуролизации»).

Сегодня мы более деликатны. Мы, с одной стороны, терапевтически предупреждаем культурные превращения философствования и его результатов. С другой стороны, мы должны учесть конечность как необходимую черту человеческого события, но при этом не редуцировать дискурс к «свойственности» всевозможных психологий, социологий, политологий, технологий жизни, сиречь продолжать философию как предельное предприятие, не быть «у себя», но остаться «у события», остаться философией. Подшиваясь к родовым процедурам (кажется так советовал А. Бадью?), держать наготове ножницы самого события, чтобы *чуть-что* – решительно вспороть шов.

То, что есть

Есть три составляющие философского усилия, которые одновременно определяют позицию философского предприятия в составе мира, представляют как бы «формфактор» любых философских реализаций. Это *феноменология, критика, ирония*.

Религия и философия

Религия всегда готова пустить в дело свое «Menschliches, Allzumenschliches». Это последнее есть *контур* события религии, контур ее онтологического действия. «Allzumenschliches» есть *свое* религии, подлинное религии именно в этом строгом смысле.

В развертывании потенциалов своего присутствия, и в своем рассеянии, разведении, «различании», религия всегда настроена на экстаз, на «надрыв». Религия всегда готова заплакать. Она всякий момент уже «льет слезы».

Религия всегда может подать себя экстравагантной, экзальтированной, утонченной, «породистой», манерной и светской. Она достаточно глубока и пронзительна, чтобы удовлетворять амбициям «среднего образованного европейца» и достаточно публично употребляема и «перевариваема», чтобы быть усвоенной «светом». Для нее не нужен слишком сильный желудок и слишком избирательный нюх, как того требовал Ницше для всякой серьезной духовной работы. Она всегда уже для «образованных дам».

Поэтому, в частности, она оставляет так много места для академического снобизма всех мастей. Поэтому она всегда востребована в ходе функционирования и сосуществования различных сообществ и групп. Поэтому карта религии так хорошо разыгрывается в политических играх. Поэтому за нее платят хорошие деньги.

Формат (или «аромат») духовной жизни посредством религии всегда так или иначе экстатически антропогенен. Говоря об аде для благонамеренных, религия, если брать «по гамбургскому счету», то и дело не прочь замкнуть напряжение работы духа накоротко на какое-нибудь «Menschliches», редуцировать «мир в работе» к некому «миру в позе» (невоздержанного и всегда обиженного антропоцентризма).

Философию же никак невозможно использовать. Она ни для чего не пригодна. Она принципиально не функциональна. Она всегда имманентна собственным целям и ходу, и только в той мере, в которой последнее выполнено, из ее результатов и отложений можно сделать употребление. Она ни на что не годится. Она не в состоянии быть полезной. Она не смеется и не плачет – классический *образ*, как всегда – с необходимостью *автообраз*.

Философия и суждение

То, к чему держит путь философия, принципиально нельзя зафиксировать в процессе какой бы то ни было внешней операции. Философский результат нельзя выразить суждением. Ибо что же такое суждение, как не дитя предметности? Операция «сказывания» или предикации онтологически имплицитно подразумевает возможность метапозиции или предметной референции вещи. Логическое под-лежащее сказыванию (*sub-jactum*) предполагает онтологически выполнимость *ob-jacto*.

Описанная невозможность управляется условием предельности: в философии мы вынуждены и пытаемся высказать то, что (в высказывании и в его ситуации, в его онтологии, в его «экономии») есть мы сами.

Поэтому результату философа адекватны не предметные обозначения, а символические указания. Пока эти последние держатся живыми и действенными, пока под этими символами можно жить, история философии невозможна как повествование о прошлом; ибо *история* остается собственно *философией*, производством события философии.

Закат символа (что есть депотенцирование в нем присутствия) называют нарративизацией. Символ становится «культурной привычкой» на уровне употребления образованной общественностью, и онтологическим суррогатом самого себя или /и некой негативной или «симулятивной» моделью в самой философии.

Однако философия всегда есть неразрешимая драма человеческого. Старые символические структуры говорят о том же, что и новые. Отрицание, снятие, замена, забвение, невостребованность, отложенность, невозможность размещения проходят по границе рассеяния потенциала живого философского исполнения в них. Не простое опрокидывание, но сброс

отбывших системных данных человеческого присутствия. Старые формы канализированы по новым перспективам возможности-пре-бывания.

Enter-структуры пребывания в поле изменились. Философски отследить себя можно теперь, путешествуя новыми тропами. Есть проводники – это новые философы. Но хоженные тропы философии вовсе не есть *пошлость*; они все же имеют некие потенции по отношению к определению новой «мирности» человеческого мира. Они все же *используются*. И в качестве тематического хода интересны форматы использования – в зависимости от перспектив «вомиривания». Эти форматы, в прочем, всегда уже оказались *об одном и том же неразрешимом и неуловимом*, ибо речь идет о фиксации того, что в миг(е) фиксации уже исчезло, ускользнуло из-под фиксации.

И вот меня не оставляет вопрос: могу ли еще я философски испытать нечто «Кантом»? И каковы координаты этой возможности?

«Объясните мне, что он тут написал!»

Философия как предприятие (помыслить мысль), предъявляет себя в одной то и дело повторяющейся ситуации, которую мы назовем ситуацией невозможного объяснения при встрече. Мы встречаемся с философским текстом, и неминуемым спутником этой встречи оказывается желание понять, что же говорится вот здесь, в этом месте. Фрагмент мы только что прочитали и вот, находимся в недоумении. Мы читаем снова. Может быть, читаем еще раз. Возвращаемся, задерживаемся на отдельных фразах. Но недоумение еще больше. И мы чувствуем, что оно вызвано *недоразумением*. Недоумение от недоразумения и от завидной регулярности повторения данной коллизии. Мы хотим какого-то языка, какой-то подачи, кого-то, хотим, чтобы в выражениях доступных (мы ведь не глупые люди!) нам *немедленно прояснили* то, что само по себе фактически (по факту прочтения) непонятно, непрозрачно, туманно.

И надежды наши тщетны, а наше отношение к делу, продукты которого мы потребляем – некорректно и разрушительно для самих этих продуктов! Ибо нет никакого языка, дискурса, знающего и умелого лектора, нет самой возможности так желать! Есть только то, что есть (есть текст Ницше, Уарда, Готдинера и пр.). Это все что у нас есть. И это – идеальная гармония. Это чудо! Всякое «понятнее» заранее будет трагической деградацией самой возможности философии в этом месте!

И есть еще мы сами. Мы сами – это тот инструмент, внутри которого делезовский, например, текст только и может звучать (но только нашим голосом). Других методов, как заметил один мультяшный герой, медицина не знает: вы можете или меньше есть и тогда меньше двигаться, или больше есть, но в таком случае вам придется двигаться больше. Если мы не согласны на условия, которые описаны выше, может быть лучше не читать философские тексты.

Скромное обаяние постмодерна

«Мы узнали такое количество правил, что не можем начать игру», – спел Андрей Макаревич (композиция называется «В круге света»).

Слишком сложный концепт чаще всего скрывает «слабое здоровье» и плохо работает, страдает нехваткой «интеллигентности» и живой силы кроить хаос. Когда философия превращается в просвещенную даму, которая все уже знает и поэтому не может ничего возжелать или испытать удовольствие, Умберто Эко в полуденный час постмодернизма предупреждал, что это и называется постмодернизмом [см.: 12]. Вполне *объективный* критерий, не нагруженный ни социальным долгом, ни моральными обязательствами, ни коллегиальной солидарностью, ни модой, ни культурой. Тут *ничего не поделаешь!*

Хочется сказать иным «интеллектуалам» (не нарушая презумпции разума или цеха), особенно современным, и иным будущим докторам философии, особенно «стоящим в позе»: «мы узнали такое количество правил, что не можем начать игру». Мы все еще не можем начать игру.

Что значит «исполниться»?

Не важно, в чем есть *потенция* философствования или живого предельного исполнения (что одно и то же) – это пустая проблема. Важно, что происходит *акт*. Иначе говоря, потенция есть во всем, даже в том, что не относится к философии. Важно, что «зажглось», и только «постфактум» можно рассуждать о том, есть или нет.

Так случилось с флюгером в одной занятной песенке:

И вскроется суть –

Он сам когда-нибудь

Укажет ветру путь, которым дуть.

Флюгер плохо кончил. «Он сгинул в январе, в чужом дворе». Но дело приняло неожиданный оборот, и речь пошла отнюдь не о флюгере, его глупой идее и безвременной жизни: оказалось «что в городе с тех пор ни ветерка».

Жить свою жизнь, как будто ты – средоточие сил и судеб мира, определяешь их, и... конечно ошибаться в этом (т. е., в тематическом раскрытии мира, равно как и в локальных отчетах это будет «ошибкой», а в горизонте некоего разумного скептицизма или ироничности – «доступным способом жизни»). Но самым этим детским максимализмом (по необходимости собственного положения не зная статей Небесного Бюджета, и «забегая вперед» мироздания), нескромностью, гипертрофированной амбицией, за счет этого преувеличения и выводя из него себя, оказываться участником Бюджетного Процесса, – «быть необходимым Богу».

Du côté de chez Spengler

Основание всех хаосов и «закатов» – быть при бытии и иметь себя ничего не значащей в горизонте мира локальностью. Ergo: не только чувствовать себя вне горизонта мира, тосковать по «мирности», но не иметь горизонт открытым и даже не подозревать о горизонте. Не иметь нужды, но даже не помнить о возможности нуждаться в этом. В сказанной именно мере современная философия и культура должны быть *осторожными*. Ибо они начали опасную игру – двигаться по границе, где с одной стороны – новые возможности фиксации (и обретения!) оснований, с другой (и, может стать, в уплату этих новых возможностей) – вынесение самой «мирности» и «миро(пред)нахождения» из состава условий существования человеческого существа.

На лекции...

Говорю – под человеком, под жизнью человека отсутствовали структуры, были замещены, и ничто не могло быть санкционировано как мироразмерное. Недовольны: что за структуры?! Слишком абстрактно!

Философия это движение по отношению к одним и тем же но не смыслам, а «местам» возможности и «онтологического ожидания» смысла, от абстрактного к конкретному. Учебники по философии – абстрактны. Они всегда говорят одинаково о том, *что нужно различать*. Они всегда нечутки и неразборчивы к тому, что по происхождению имеет исчезающее тонкий вкус (и существует только за счет этого), к тому, что, *стало быть*, требует «смакования». (Изучение философии заключается в том, чтобы это абстрактное сделалось по степени конкретности соизмеримым с конкретностью возможности (и значения для) моего присутствия. Чтобы Платон стал конкретным. Кант стал конкретным. Нужно встать в конкретное отношение к некому исполненному акту мысли по имени «Платон», «Кант», нужно *быть* в попытке завоевания очень фактического опыта – опыта *события* мысли (он *и есть* одновременно само это событие). И этот опыт должен быть «ты сам», живой и единственный. Тогда возможно порождающее, продолжающее указание (в смысле, «какие структуры» и проч.). А иначе... все остается вполне абстрактно и *никого не касается*.

И потом (тем более, в свете сказанного) никто и не обещал, что будет понятно! Ждать от философии, что будет понятно – есть пошлость и грубое непонимание того, что такое философия.

«О пользе и вреде истории для жизни»

Является ли жест Ницше модернистским? Довольно распространенное мнение, что да. «Я сказал бы “да”, но я отвечу “нет”!» – музыка нашей «рок-юности», которой, кажется теперь, никогда не было. «Но рок-н-ролл мертв, а мы – еще нет». – Все это имеет отношение к теме.

Ницше не хочет обесценить прошлое его стиранием или абсурдизацией. Его жест имеет отношение к прошлому, но не направлен собственно на прошлое. Модернизм, напротив, направлен именно на прошлое, направлен акцентировано и репрессивно. Модернизм не может быть «сам»; он питается прошлым: отними у модернизма прошлое и в нем не будет содержания и смысла.

Ницше предлагает дистанцирование от прошлого. Дистанцирование ради возможности *собственной жизни*. Ради обретения сил собственно этой, проживающейся сейчас жизнью. В качестве отношения к прошлому возможно отстранение от прошлого.

Ницше – не модернист. И Бадью – тоже не модернист. И тот, и другой, по существу, классики! Бадью, между прочим, сам этого не отрицает и даже на этом настаивает. В первом манифесте он манифестирует необходимость прощания философии с историцистским обоснованием ее предприятия, если только философия хочет остаться *живым и собственным* предприятием. По существу, это ницшеанский (а по происхождению – романтический (?) жест).

Или может быть, Ницше (как и Бадью) предлагает (первый – теоретически, второй – деятельно или «революционно») свою «Dis-tanz» (термин Ж. Деррида, отмечающий характер самого продуктивного действия Ницше – в «Шпорах...» [7, с. 123]) как задерживание дыхания – вдохнуть и не дышать сколько потребуются, чтобы не быть наивным в смысле собственного классического прошлого, и вместе с тем, не сорваться в модерн (уже или все более излишний в ситуации, когда все или почти все сведено *ad absurdum* до нас), предчувствуя все еще нехватку ресурсов (сил, времени, удачи) для собственного события. Может быть, это особый «предклассический» жест – не модернистский (уже), но еще не жест творения беспредпосылочной классической простоты.

Не занятно ли, кстати: «классики» не имеют своей классики (это всем известно, они – «сами», ни на кого не ссылаются, ни в ком не нуждаются и проч.); мало этого, событие, которое они производят, и которое потом называется «классическими образцами» – не *их* классика тоже! Классические произведения не являются классическими для самих классиков.

О мужских нуждах

Мужчина должен иметь повод думать о себе хорошо, даже если этого повода нет.

Миф и философия

Силы мифа – всегда из земли. Они всегда могущественны, страшны, поражают воображение, но они никогда *не ужасны*. Это всегда человекоразмерные силы. Это всегда силы, могущие быть *замечены и узнаны* человеком. Сам смысл философии состоит в том, что это предприятие и акт, в котором открывается (приоткрывается, показывается) *абсолютно неземное*. Это иной формат по отношению к человеческому существу. Что-то уже происходит (в философии или то, *о чем* философия, *по поводу чего* философия и *что* философия), всегда уже происходит; и уже имеет отношение к человеку, он уже включен в происхождение. Но он *принципиально не соразмерен* для этого! Он никогда сам (по его конкретному расположению и данностям существования – эмпирического, локального) не знает, не чувствует, не имеет в виду, что что-то вообще происходит (как блоха никогда не видит слона).

А если возможны состояния, когда имеет в виду, то это, во-первых, особые состояния и особая позиционированность, выделенность, некая эк-статичность, вынесенность (как фиксация и артикуляция этого появляются трансцендентальный ход, феноменологические мотивы, Бог как философский образ и пр.); а во-вторых, для этого необходимо предположить какие-то особые установленности, относящиеся и к человеку, и к предельно далекому. В этом смысл и форма философских оснований и обоснований.

Смысл философского подхода в том, что он всегда указывает на принципиально невозможное для прямого опыта. Удивление философа состоит в том, что *видимого* мало, что

есть *невидимое*. Человек философии – существо косвенного указания на невидимое, существо постоянного предчувствия невидимого.

Великий поворот – удивиться, с удивлением открыть, что есть не только видимое.

Тут показывается лик предельности; тут встает проблема символа именно как онтологическая проблема. Символ – «среднее» (опосредующе) образование: он завязан и на человеческий формат, и на то, что всегда о человеке, через человека, с человеком и фундаментально и конститутивно *необходимо* для человека, но что никогда нельзя иметь как человеческое, человечески освоенное, что всегда в последнем и принципиальном смысле не-человеческое.

Поэтому, кстати, миф всегда *интересен* (силы, коллизии, превращения). Симптом этого: эксплуатация в сфере «обычной жизни» – кино, литература. Философия никогда не интересна; она в той мере хорошая философия, в какой *не интересна*. В философии нет превращений. Все происходит незаметно, причем, опять-таки, принципиально незаметно. Незаметность и не-за-меченность происходящего – черта происходящего в сфере философствования.

«Мы не должны стремиться к радикальным решениям...»

Так рекомендует держать себя С. Жижек в «Возвышенном объекте...» [8, с. 13].

Но говорят также, что философия – предельна, устремляется в своем ходе к пределам, направлена к пределу, настроена на предел. В известном смысле «доводит себя до предела». Известно, что в философии, как может быть нигде более, рискуют своим здравомыслием или «интеллектуальным здоровьем» (затем и душевным, и в конечном счете – вообще *здоровьем*).

Здесь залегают две впечатляющие темы.

Первая, связанная, между прочим, с самой структурой философского факультета ХНУ. Валеологи (как находящиеся в структуре) должны исследовать, как связаны занятия философией с определением и констелляцией «здорового образа жизни»: в самом деле, не «авалеологична» ли философия? Вторая – проблема человека как существа, «*болеющего к смерти*»: разумом, желанием недостижимого, «проклятой долей» – т. е. не «нонантиропна» ли сама валеология? Человек – плохое животное, человек – большое животное, человек – это Чебурашка живой природы. Образ человеческой жизни – в каком-то смысле есть с необходимостью *нездоровый* образ жизни?

Тогда не оказывается ли философия в точном определении *радикальным делом*, тем, что оторвано, отдельно, добровольно и активно отделяется от любых конгломератов, всегда хочет находиться в некоем зазоре между (различными) сообществами и идентичностями (см. об этом в «Устройстве разрыва»)? Или, может быть, философия предельна и именно поэтому кажется радикальной?

Интересно взять, с одной стороны, мотив «неустранимого разрыва внутри целого», основание онтологии «неразрешимости», мотив, вскрывающий классическую уверенность, что сущее как оно есть вот-здесь и вот-теперь, непременно требует всего целого, всего порядка целого, некоего тотального «да», которое все должно присутствовать в этой вот-точке, где мальчик показал язык няне. Мотив, регистрирующий «метафизический фундаментализм» как стиль классического философствования и одновременно отказывающий ему в «серьезности» притязаний. Мотив, замешанный «на признании исходности “травмы”, некоей недостижимой сущности, оказывающей сопротивление символизации, тотализации, символической интеграции. Любые попытки символизации-тотализации вторичны: в той мере, в какой они выступают попыткой “сшить” исходный разрыв, они по определению рано или поздно обречены на провал» [8, с. 13].

С другой стороны, нужно связать это с различными опытами «неразрешимости целого», полученными не (только) в гуманитарной перспективе, но также в математике (теоремы Гёделя, теоремы о неразрешимости), теории систем, в естествознании (космология, квантовая проблема наблюдения)...

**«Sont en quête d'une écriture détournée» и «man nicht sprechen kann – muss man schweigen»:
что делать и кто виноват?**

«Почти все наши “философы” пребывают в поисках окольного письма, побочной поддержки, косвенных референций, дабы уклончивым образом перейти к захвату позиций на считающейся необитаемой философской территории» – говорит Ален Бадью, порицая современных философов за нежелание производить философскую работу [3, с. 10]. Дело доходит до того, что философы даже попадают в кавычки! «Окольное письмо» – здесь термин ухода от ответственности (быть верным событию философии и т. д.).

Но вот с альпийских гор спускается великий игрок философскими традициями, божественный Людвиг (Витгенштейн) – с другими словами: «*Wovon man nicht sprechen kann, darüber muss man schweigen*» [6, с. 73, 7]. О чем невозможно говорить, о том следует молчать...

Не востребовано ли и не действует ли окольное письмо в несколько иной экономии? Не есть ли окольное письмо необходимостью и имманентным «разделочным ножом» философии? Что, если имеется некая кардинальная нужда в «дистанцировании от предмета» в качестве условия, только и допускающего какую бы то ни было дискурсивность философского акта и результата? Ибо «Смысл мира должен находиться вне мира» [6, с. 70, 6.41]. Ибо «с точки зрения высшего совершенно безразлично, как обстоят дела в мире. Бог не обнаруживается в мире» [6, с. 71, 6.432]. Ибо «смерть не событие жизни» [6, с. 71, 6.4311]. Ибо «в самом деле, существует невысказываемое» [6, с. 72, 6.522]. «Не потому ли те, кому <...> стал ясен смысл жизни, <...> не в состоянии сказать, в чем состоит этот смысл» [6, с. 72, 6.521]. И посему, «правильный метод философии <...> состоял бы в следующем: ничего не говорить, кроме того, что может быть сказано, то есть кроме высказываний науки, – следовательно, чего-то такого, что не имеет ничего общего с философией» [6, с. 72, 6.53].

В таком случае философию можно определить как предприятие в последней степени парадоксальное – онтологически парадоксальное: как попытку, чистую и постоянную попытку высказать то, о чем невозможно говорить, или высказывать нечто так, чтобы это обращалось *показом*, ибо «невысказываемое <...> показывает себя» [6, с. 72, 6.522].

Людвиг Витгенштейн пишет целый трактат, блестящий трактат о соотношении «слов» и «вещей», чтобы последней строкой призвать к *silēnitum*, к *ἔστωχῆ* языка в отношении как раз того, что подлежит разысканию в философии и в захваченности чем предпринимается акт философствования. В конце концов, «наш язык дарит нам такое удовольствие – лишь бы избегали артикуляции» [7, с. 120]. – А стратегии и практики «окольного письма» оказываются тогда важной темой.

Писать и подписываться

Подпись – не то, что авторство. Подпись прежде всего предполагает готовность и решимость сделать из содержания написанного эксперимент с собственной жизнью. Может быть, нелегкий, может быть, драматический, может быть, рискованный, может быть – смертельный...

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин А. Исповедь / Аврелий Августин // Исповедь. История моих бедствий / Аврелий Августин, Петр Абеляр. – М. : Республика, 1992. – С. 8-222.
2. Бадью А. Делез. Шум бытия / Ален Бадью; [пер. с франц. Д. Скопина]. – М. : Logos-Altera, 2004. – 184 с.
3. Бадью А. Манифест философии / Ален Бадью; [пер. с фр. В. Е. Лапицкого]. – СПб. : Machina, 2003. – 184 с.
4. Бибахин В. В. Дело Хайдеггера / В. В. Бибахин // Время и бытие: статьи и выступления / Мартин Хайдеггер; [пер. с нем.]. – М. : Республика, 1993. – С. 3-14.
5. Борхес Х. Л. Логическая машина Раймунда Луллия / Х. Л. Борхес; [пер. с исп. Б. Дубина] // Борхес Х. Л. Сочинения : [в 3-х т.] / Х. Л. Борхес; [пер. с исп.]. – Рига : Полярис, 1994. – Т. 1 : Эссе. Новеллы. – С. 243-249.

6. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Людвиг Витгенштейн; [пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева] // Витгенштейн Л. Философские работы : [в 2-х ч.]. – М. : Гнозис, 1994. – Ч. 1. – С. 1-73.
7. Деррида Ж. Шпоры : Стили Ницше / Жак Деррида; [пер. с франц. А. В. Гараджи] // Философские науки. – 1991. – № 2. – С. 118-142; № 3. – С. 114-129.
8. Жижек С. Возвышенный объект идеологии / Славой Жижек; [пер. с англ. В. Софронова]. – М. : Художественный журнал, 1999. – 233 с.
9. Мамардашвили М. К. Сознание как философская проблема / М. К. Мамардашвили // Мамардашвили М. К. Необходимость себя: лекции, статьи, философские заметки. – М. : Лабиринт, 1996. – С. 263-285.
10. Пятигорский А. М. Философия одного переуллка / А. М. Пятигорский. – М. : Прогресс, 1992. – 160 с.
11. Хайдеггер М. Что это такое – философия? / Мартин Хайдеггер; [пер. с нем.] // Вопросы философии. – 1993. – № 8. – С. 113-123.
12. Эко У. Из заметок к роману «Имя розы» / Умберто Эко; [пер. с итал. А. Гришанова, М. Семерникова и В. Уварова] // Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX века. – М. : Прогресс, 1986. – С. 224-229.